

А.Р. САФИНА *

ИНКОРПОРАЦИЯ КУРДСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ИРАКСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИМПЕРСКОЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния имперского институционального наследия на инкорпорацию этноконфессиональных меньшинств в национальное государство. В качестве релевантного кейса для анализа выбран Иракский Курдистан. Проверяется гипотеза о том, что в постосманских обществах преобладающее влияние на политический процесс оказывают неформальные правила и практики, которые в случае совместимости их целей с новыми формальными институтами могут способствовать образованию устойчивой политико-институциональной структуры. В этом контексте проводится анализ курдских политических практик под имперским управлением, выявляются особенности инкорпорирования курдского сегмента в государство Ирак, проводится оценка результативности консоциативных механизмов, введенных в политическую систему страны в период демократизации после международного вмешательства в 2003 г. Применение таких методологических подходов, как неинституционализм и исторический институционализм, позволяет определить институциональную специфику курдской проблемы в Ираке и оценить эффективность курдской автономии. Делается вывод, что исторические неформальные институты курдского сообщества сохранили свою функциональность и преимущественно замещают формальные. В этих условиях иракская система распределения власти между этноконфессиональными сегментами и неформальных договоренностей между элитами оценивается как оптимальное решение, снижающее транзакционные издержки во взаимодействиях центра и периферии.

* Сафина Айсылу Рустемовна, аспирант кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: safina.aysylu.95@gmail.com

Ключевые слова: османское наследие; формальные институты; неформальные практики; курдские племена; консоциативные элементы; постимперское пространство.

Для цитирования: Сафина А.Р. Инкорпорация курдского меньшинства в иракское государство и имперское институциональное наследие // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 177–190. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.07>

Инкорпорация этноконфессиональных меньшинств остается серьезным вызовом для гетерогенных ближневосточных государств, формирование которых началось после распада Османской империи. Этот процесс включает в себя вопросы идентичности, структуры и легитимности власти, политического участия и распределения благ, а также консолидации границ. Курдская проблема – одна из наиболее важных составляющих этого вызова: идея собственного государства для разделенного курдского народа по-прежнему жива.

Подъему «нового сектарианизма» на Ближнем Востоке дала толчок международная операция в Ираке (2003), положившая конец правлению Саддама Хусейна [Управление региональными конфликтами..., 2021, с. 224]. Одним из ее результатов стало появление в стране неполной консоциации с широкой автономией курдов. «Арабская весна», как и наступление ИГ (ИЛ)¹ в условиях вакуума власти, вывели борьбу курдов за свою государственность на новый уровень. В 2016 г. было объявлено о создании Федерации Северной Сирии; в 2017 г. проведен референдум о независимости Иракского Курдистана и курдских земель за его пределами.

В настоящий момент, когда военно-политическая ситуация в Ираке относительно нормализовалась и были проведены очередные парламентские выборы (октябрь 2021 г.), представляется уместным вернуться к оценке степени инкорпорации курдского сегмента в иракское государство и влияния на этот процесс имперского институционального наследия. Методологически исследование будет опираться на различные версии институционализма. Обращение к неинституциональному подходу продиктовано необходимостью анализа взаимодействия формальных и неформальных институтов и учета как правил, регулирующих поведение, так и самого поведения [Aoki, 2007; Greif, Laitin, 2004].

¹ Организация признана террористической и запрещена на территории России.

Применение исторического институционализма позволит выявить закономерности формирования курдских политических институтов. В качестве аналитического инструмента будут использованы теория консоциализма А. Лейпхарта, согласно которой институционализация этнических размежеваний и разделяющей идентичности укрепляет чувство безопасности всех этнических групп и ведет к устойчивой политической стабильности [Lijphart, 1975], а также типология взаимодействий формальных и неформальных институтов Г. Хелмке и С. Левитски [Helmke, Levitsky, 2004].

В статье проверяется гипотеза о том, что в постимперских обществах преобладающее влияние на политический процесс оказывают неформальные практики, которые в случае совместимости их целей с новыми формальными институтами могут способствовать образованию устойчивого политико-институционального устройства. В соответствии с поставленной задачей будет проведен анализ (а) курдских политических практик в условиях имперского управления; (б) инкорпорирования курдского сегмента в новое государство Ирак; (в) эффективности консоциативных практик в период демократизации иракской политической системы.

Режимы имперского управления и курдские политические практики

Вплоть до Первой мировой войны курдские сообщества находились под контролем Османской империи на западе и Сефевидской на востоке. В послевоенный период Курдистан был разделен между четырьмя национальными государствами (Турция, Сирия, Ирак, Иран), пришедшими на смену империям, и трансформировался в периферию в каждом из них. Характерной чертой курдской периферии было наличие племенных институтов, которые сохранились благодаря косвенным методам управления имперских центров.

Унификация или стандартизация управления огромным количеством разнообразных политических единиц, транслирующих центру различные культурные и политические коды, чревата для империй высокими издержками [Мелешкина, 2013]. Центр в Османской империи цементировал неформальные отношения внутри политической системы, в то же время порождая самостоятельность принятия решений в рамках провинций и автономных сообществ

[Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 146–148]. Благодаря институту посредников конфликты в политических единицах империи регулировались без участия центра в обмен на регулярную уплату налогов.

В Османской империи автономные сообщества имели как территориальный, так и нетерриториальный характер. В частности, огромную роль в инкорпорации религиозных меньшинств в империю сыграла система миллетов, благодаря которой часть властных полномочий была делегирована нетерриториальным религиозным сообществам в обмен на дополнительный имперский налог, что позволило правительству фактически отказаться от надзорной функции [Barkey, Gavrilis, 2016]. Курдским племенам, населявшим глубокую имперскую периферию, центр фактически предоставил территориальную автономию: они имели право наследования земельных угодий и привилегированный статус, защищая безопасность приграничной зоны.

Как отмечает М. ван Брюнссен, большое влияние на внутреннюю структуру курдских политических образований оказывали межплеменные конфликты и коалиции, которые во многом зависели от внешних факторов, степени вмешательства центра и доступности ресурсной базы [van Bruinessen, 2003]. Эти образования представляли собой элементы разного порядка – от крупных кочевых племен до малых имперских провинций, однако все курдские сообщества имели равный статус и большую степень автономии. Только в XIX в. политическая автономия курдов стала постепенно сокращаться в результате реформ системы управления [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 146–164]. Под влиянием политики централизации курдские племенные образования становились менее сложными по структуре и более однородными: провинции уступали место племенным конфедерациям, конфедерации – крупным племенам, крупные племена – более мелким [van Bruinessen, 2003].

Войдя с началом эпохи национально-государственного строительства на Ближнем Востоке в состав четырех государств¹, курды сохранили кланово-племенную идентичность, а также территориальные, религиозные и языковые особенности [Kumars, Salavati, 2013], что заложило основу для будущих конфликтов [Ross, Mohammadpur, 2016].

¹ Ни одно из курдских движений за независимость или автономию не достигло успеха.

Инкорпорация племенных практик в иракском государстве

В процессе модернизации племенные институты курдских сообществ инкорпорировались в партийную систему национального государства. Принадлежность к политической партии была выгодна курдским племенным вождям: когда их партия побеждала, она имела возможность вознаградить своих сторонников различными способами, в том числе инвестициями в инфраструктуру и государственными контрактами. В свою очередь, союзы с племенными лидерами, контролирующими свои территории и население, были выгодны национальным партиям. Таким образом, конкуренция между политическими партиями переплеталась с племенными конфликтами и соперничеством [van Bruinessen, 2003].

Несмотря на внутренние разногласия, курды были вынуждены вступать в политический торг и принимать компромиссные политические стратегии. Ни одно племя не было достаточно большим, чтобы самостоятельно направить депутата в парламент, что делало необходимым создание коалиций с другими племенами или группами интересов. Таким образом, формирование национальных государств не только не привело к распаду племен, но предоставило структурные возможности для их поддержки [Adiyamanê, Dag, 2015].

Роль неформальных институтов в процессах постконфликтного урегулирования вызывает в научном сообществе много споров, так как основными регуляторами принято считать такие механизмы, как федеративное политико-территориальное устройство, автономия и другие механизмы консоциации (см.: [Метаморфозы разделенных обществ, 2020, с. 15–41]). В этом контексте представляется необходимым рассмотреть институционализацию курдской этничности в Ираке.

Ирак получил независимость в 1932 г. Первой политической партией иракских курдов стала Демократическая партия Курдистана (ДПК) (1946), которая провозгласила своей целью объединение курдского освободительного движения и борьбу с поддерживаемой Великобританией иракской монархией, выступив на стороне арабских националистов (баасистов). ДПК не требовала выхода курдов из иракского государства, выступая за автономию для Курдистана и демократическую республиканскую систему для Ирака. Ее сторонники так или иначе продвигали идею сосуществования арабского и курдского национализма. Идеологом и главным руководителем партии стал харизматический лидер курдского

освободительного движения Мустафа Барзани, который придал ей форму клиентелы с наследственной передачей поста руководителя. ДПК удерживала монополию на определение политической повестки в Курдистане вплоть до 1975 г., когда в результате военно-политического кризиса после поражения Сентябрьского восстания курдов Барзани был вынужден покинуть Ирак.

В период вакуума власти в Иракском Курдистане возникла новая партия – Патриотический союз Курдистана (ПСК) (1975), основанный левыми и националистическими силами во главе с Джалялем Талабани, который, как и Барзани, мог единолично принимать политические решения и распоряжаться партийными финансами [Nana, Abdullah, 2020, p. 759–760]. В учредительном манифесте партии декларировались такие задачи, как борьба с политической монополией ДПК и учреждение коалиционной системы самоуправления. ДПК и ПСК, будучи соперниками, объединились в борьбе против режима Саддама Хусейна в период ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Помимо дискриминации по этническому признаку, курды подвергались репрессиям, в том числе пыткам, против них применялось химическое оружие (операция «Анфаль» 1987 г.).

После победы сил международной коалиции в войне за освобождение оккупированного Ираком Кувейта (1991) в стране начались восстания курдов и шиитов, жестко подавленных Саддамом Хусейном. Гуманитарная катастрофа вызвала резолюцию СБ ООН от 5 апреля 1991 г., установившую так называемую «зону безопасности» севернее 36-й параллели¹. Из данной зоны под контролем сил ООН были выведены иракские правительственные войска, там была прекращена работа центральных органов власти, иракских спецслужб и полиции. Курды объявили эту территорию «Свободным Курдистаном»².

Эта резолюция стала важным шагом для создания курдского де-факто государства. В Иракском Курдистане были проведены учредительные выборы в парламент, на которых ДПК получила больше мест, чем ПСК, что вылилось в острый политический кон-

¹ Resolution 688 (1991) / adopted by the Security Council at its 2982 nd meeting, on 5 April 1991 // UN Digital Library. – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/110659> (accessed: 10.09.2021).

² Формально автономия была предоставлена региону в 1970 г.

фликт, переросший в четырехлетнюю гражданскую войну (1994–1998). Находясь в изгнании, ПСК сформировал собственное правительство в Сулеймании, в то время как ДПК сохраняла лидирующие позиции в Эрбиле [op. cit., p. 756].

В установлении мира между двумя курдскими кланами нельзя не отметить фактор международного вмешательства. Еще в период гражданской войны посредником во взаимоотношениях ДПК и ПСК стала американская администрация. В 1998 г. ей удалось примирить враждующие стороны в Вашингтоне, где Масуд Барзани и Джаляль Талабани подписали соглашение о мирном урегулировании конфликта. В результате в регионе возникли два квазигосударства: одно под властью ДПК (Эрбиль и Дохук) и второе под властью ПСК (Сулеймания и Гармиан). Они были разделены блокпостами, укомплектованными бойцами сил пешмерга, лояльными ДПК и ПСК [O’Driscoll, Baser, 2019].

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что как имперское институциональное наследие, так и территориальный и мажоритарный подход к решению этнополитических конфликтов в республиканском Ираке [Barkey, 1997] оказали значительное влияние на развитие Иракского Курдистана. Опыт автономного самоуправления и племенные институты, принявшие форму партий, позволили курдам вести упорную борьбу за независимость. В период пребывания у власти баасистов надежды курдов на союз с арабским национализмом и реальную автономию были перечеркнуты. Влияние формальной институциональной рамки на интеграцию курдского меньшинства после свержения баасистского режима будет рассмотрено ниже.

Иракский Курдистан в период демократизации

В результате международного вмешательства в 2003 г. и статус Иракского Курдистана, и политическая ситуация в нем изменились. В 2005 г. была принята новая конституция Ирака, которая ввела в политическую систему ряд консоциативных механизмов. В частности, она закрепила федеративное устройство страны [Дубессан, 2013] и автономию региона Иракский Курдистан¹, которая

¹ Иракский Курдистан (офф. Регион Иракский Курдистан) включает в себя провинции Дохук, Эрбиль, Сулеймания и Халабджа (последняя провинция

предполагает собственное правительство, внутренние силы безопасности (пешмерга) и право управления и контроля над сектором добычи и переработки нефти и газа на его территории¹. В случае если центральное правительство принимает решения, которые затрагивают жизненно важные интересы региона, оно обязано получить согласие регионального правительства.

Более того, в Ираке была создана особая система курдского представительства, обеспечивавшая относительный баланс сил между двумя партиями: пост президента Иракского Курдистана был зарезервирован за представителем ДПК, пост президента Республики Ирак – за ПСК. Клань Барзани и Талабани вновь вынужденно объединились для борьбы с арабскими националистическими и исламистскими оппозиционными организациями, которые открыто выступали за централизацию власти на всех уровнях [Rogg, Rimscha, 2007]. После проведения региональных выборов (2005) и объединения двух курдских администраций (2006) де-юре было сформировано объединенное правительство автономии.

Согласно договоренностям, другие высшие посты в системе новой иракской власти – премьер-министра и спикера парламента – отошли, соответственно, представителям арабо-шиитской и арабо-суннитской общин.

Такая система неформальных институциональных правил, легшая в основу современной иракской политики, получила название «аль-мухасаса» (араб. – «распределение»). Она представляет собой систему этноконфессиональных квот, которая применяется правительством для распределения должностей с целью достижения «национального единства» и «национального партнерства». Неформально министерские посты распределяются по следующей формуле: арабы-шииты (54%), арабы-сунниты (24%), курды (18%) и остальные меньшинства (4%) [al-Shadeedi, van Veen, 2020, p. 10].

Эти меры, как и конституционное закрепление автономного статуса региона Курдистан, позволили стабилизировать отношения между федеральным центром и курдским сегментом, несмотря

была создана в 2014 г. на части территории Сулеймани); его власти претендуют также на территории провинций Киркук, Ниневия и Диала. Доля курдов в населении Ирака оценивается разными источниками в 15–21%.

¹ Конституция Республики Ирак. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (дата посещения: 12.10.2021).

на длительный военно-политический кризис после свержения Саддама Хусейна.

Фактор формальных институтов в контексте интеграции курдского меньшинства

Референдум о независимости Иракского Курдистана в 2017 г. и последовавший жесткий политический ответ Багдада¹ вновь дестабилизировали ситуацию в регионе, в результате чего арабо-шиитские и курдские политические элиты не смогли объединиться в предвыборные коалиции и блоки в 2018 г. Характерными чертами партийной системы Ирака стали идеологическая поляризация, дробление на блоки и альянсы шиитского и суннитского толка и отсутствие консенсуса основных курдских партий (ДПК и ПСК) [al-Shadeedi, van Veen, 2020]. В условиях политической фрагментации основных сегментов принцип «аль-мухасаса» перестал работать; парламентские выборы 2018 г. пошатнули межконфессиональный и межэтнический компромисс в иракском обществе, что привело к гражданским протестам 2018–2019 гг.

На федеральных парламентских выборах 2018 г.² ДПК и ПСК получили соответственно 25 и 18 мест. Ожидалось, что им составит конкуренцию оппозиционные курдские партии: «Горран» («Движение за перемены»), отколовшийся в 2009 г. от ПСК, две исламские и две новые протестные партии, однако этого не произошло: все вместе они завоевали 15 мандатов³. Таким образом, ДПК и ПСК умело использовали свою традиционную электоральную базу и патронажные сети. Как и на предыдущих выборах, они победили в провинциях, находящихся под их контролем: ДПК получила большинство голов в Эрбиле и Дохуке, а ПСК – в Сулеймании.

¹ Иракский Курдистан готов к диалогу с Багдадом для снятия санкций / ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4638583> (дата посещения: 25.09.2021).

² Работа над статьей была завершена до подведения итогов парламентских выборов 2021 г.

³ Mansour R., van den Toorn Ch. *The 2018 Iraqi federal elections: a population in transition?* LSE Middle East Centre Report, 2018. Mode of access: https://eprints.lse.ac.uk/89698/7/MEC_Iraqi-elections_Report_2018.pdf (accessed: 20.09.2021).

Результаты выборов в Парламент Курдистана также демонстрируют четкую электоральную регионализацию автономии. На выборах 2013 г. ДПК получила 38 мест, ПСК – 18 (уступив «Горран»), на последних выборах 2018 г. у ДПК – 45 мест, у ПСК – 21, у «Горран» – только 12, у других партий – 22^{1, 2}. Фактически в регионе сформировалась двухпартийная система, в рамках которой происходит артикуляция и агрегирование региональных интересов. На фоне экономических и политических потрясений в стране и регионе электоральное доминирование этих двух сил свидетельствует об устойчивости клановой системы и, соответственно, относительном балансе формальных и неформальных институтов.

На территории бывшей Османской империи Республика Ирак представляет собой уникальную по своей природе политико-институциональную модель с этноконфессиональным компонентом. Элементы консоциации позволяют обеспечить представительство курдов в федеральных органах власти. В соответствии с неформальными договоренностями, президентом страны также является курд.

Система правления региона Иракский Курдистан де-факто является президентско-парламентской, где президент (в соответствии с договоренностями, представитель ДПК) обладает очень широкими полномочиями, которые, однако, могут быть реализованы преимущественно в провинциях, контролируемых кланом Барзани. Две основные партии сохраняют и свои собственные системы безопасности и вооруженных сил.

Заключение

Проведенный институциональный анализ позволяет установить, что в случае инкорпорации курдского меньшинства в Ираке

¹ Bogos K. Analysis: looking back on the 2018 Kurdish elections. American univ. of Iraq Sulaimani, 2018. Mode of access: https://auis.edu.krd/iris/sites/default/files/Analysis_Looking%20Back%20on%20the%202018%20Kurdish%20Elections_March%202019.pdf (accessed: 22.09.2021).

² В Парламенте Курдистана 111 мест, из которых 11 зарезервировано за представителями меньшинств; выборы проводятся по пропорциональной системе с «полуоткрытыми списками», когда избиратель может проголосовать как за партийный список в целом, так и за отдельных кандидатов.

сочетание сохранившихся имперских институтов и практик (непрямое управление центра, автономность, самоуправление, самооборона, кланово-племенные идентичности, определяющие паттерны лояльности и солидарности) с современными институтами (территориальная автономия, легислатура, партии, выборы, референдум) способно стать основой системы управления многоэтническим обществом и удержать его от распада.

Возникшая после падения националистического авторитарного режима политическая система выстояла в тяжелейших условиях военно-политического кризиса: гражданской войны, борьбы с террористической угрозой и макрорегиональной дестабилизации (в отличие, например, от соседней Сирии). Консоциативные механизмы, заложенные в нее как положениями Конституции 2005 г. и федеральными законами об органах государственной власти, выборах, политико-территориальном устройстве, так и неформальными договоренностями о распределении постов и создании коалиций, позволили обеспечить пропорциональное участие этноконфессиональных сегментов в иракском политическом процессе, включая законодательную и исполнительную сферу. Устойчивости системы во многом способствовал и внешний фактор – присутствие в стране международных коалиционных сил и роль США в обеспечении взаимодействия политических элит этноконфессиональных сегментов [Мамедов, Сапронова, 2021] (сотрудничество элит А. Лейпхарт считал важнейшим условием эффективности консоциации).

Широкая автономия Иракского Курдистана, как и более ранняя институционализация кланового соперничества в форме партий, содействует поддержанию в регионе относительной стабильности, хотя раскол в курдских элитах сохраняется. Вместе с тем благодаря межклановому (или межпартийному) противостоянию федеральное правительство способно находить дополнительные рычаги влияния на политику автономии. В силу урбанизации и постепенного изменения социальной структуры в регионе возникли и новые, так называемые протестные, партии, главной из которых является «Горран». Появление таких партий, выступающих за повышение эффективности политики правительства и демократизацию на региональном и федеральном уровне, свидетельствует о начавшейся эрозии клановой партийной системы. Однако о ее изменении говорить преждевременно: систему продолжают

поддерживать как идея и история нативного курдского национализма, так и сохраняющиеся угрозы безопасности.

В целом рост эффективности формальных правил и практик при отсутствии конфликтующих целей между формальными и неформальными институтами должен стимулировать трансформацию неформальных институтов из «замещающих» в «дополняющие» [Helmke, Levitsky, 2004]. В случае Иракского Курдистана, принадлежавшего к глубокой имперской периферии, куда с трудом проникали управленческие импульсы центра, такая перспектива представляется отдаленной. Ее приближению могут содействовать повышение эффективности политики Багдада и появление позитивных общенациональных (страновых) ориентиров.

A.R. Safina*

**Incorporation of the Kurdish minority into the Iraqi state
and the Ottoman institutional legacy**

Abstract. The article focuses on the impact of the Ottoman institutional legacy on ethno-confessional minorities incorporation into the post-imperial national states. Iraqi Kurdistan was selected as a relevant case for analysis. The tested hypothesis is that informal rules and practices exercise a significant influence on the political process in post-imperial societies, which, in case of compatibility of goals between informal and new formal institutions, can contribute positively to the formation of a stable structure of government. In this context, the author analyzes the interaction between the Kurdish communities and the centre in the Ottoman period, identifies the specificities of the Kurdish segment incorporation into the newly formed state of Iraq, and weighs the performance of consociational mechanisms established in Iraq's political system after Saddam Hussein's ouster. The application of such methodological approaches as neo-institutionalism and historical institutionalism makes it possible to define the institutional parameters of the Kurdish minority incorporation into Iraq and, through this lens, to assess the political performance in the Iraqi Kurdistan Region. It is stated that the historical informal institutions of the Kurdish community remain functional and substitutive for the formal ones. At this point, the consociational pattern is assessed as the only possible solution that reduces transaction costs in the centre-periphery interaction.

Keywords: formal institutions; informal practices; Kurdish tribes; consociational elements; post-imperial societies.

* **Safina Aisyly**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: safina.aisylyu.95@gmail.com

For citation: Safina A.R. Incorporation of the Kurdish minority into the Iraqi state and the Ottoman institutional legacy. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 177–190. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.07>

References

- Adiyamanê Z., Dag R. Ottoman reforms and Kurdish reactions in the 19th century. *Nûbihar Akademi*. 2015, Vol. 1, N 2, P. 47–74.
- Aoki M. Endogenizing institutions and institutional changes. *Journal of institutional economics*. 2007, Vol. 3, N 1, P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137406000531>
- Barkey K. Thinking about consequences of empire. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder; Oxford: Westview press, 1997, P. 99–114.
- Barkey K., Gavrilis G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitics*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- van Bruinessen M. Kurds, states and tribes. In: Jabar F.A., Dawod H. (eds). *Tribes and power: nationalism and ethnicity in the Middle East*. London: Saqi, 2003, P. 165–183.
- Dubessan R.H. Legal status of subjects of federation in Republic of Iraq. *Tambov university review. Series humanities*. 2013, N 4 (120), P. 383–389. (In Russ.)
- Greif A., Laitin, D. A theory of endogenous institutional change. *American political science review*. 2004, Vol. 98, N 4, P. 633–652. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055404041395>
- Hama H.H., Abdullah F.H. Political parties and the political system in Iraqi Kurdistan. *Journal of Asian and African studies*. 2021, Vol. 56, N 4, P. 754–773. DOI: <https://doi.org/10.1177/0021909620941548>
- Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: a research agenda. *Perspectives on politics*. 2004, Vol. 2, N 4, P. 725–740. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592704040472>
- Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds). *Metamorphoses of divided societies*. Moscow: MGIMO-University, 2020, 284 p. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Kyumars S.E., Salavati S. Sorani Kurdish versus Kurmanji Kurdish: an empirical comparison. *Proceedings of the 51st annual meeting of the Association for computational linguistics*. 2013, Vol. 2: Short Papers, P. 300–305.
- Mamedov R. Sh., Sapronova M.A. Features of the political development of Iraq in 2003–2020: the formation of a new elite. *Nauchnyi dialog*. 2021, N 1, P. 357–370. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-357-370> (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: peculiarities of state and nation-building. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)

- Lijphart A. *The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1968, 231 p.
- O'Driscoll D., Baser B. Independence referendums and nationalist rhetoric: the Kurdistan Region of Iraq. *Third world quarterly*. 2019, Vol. 40, N 11, P. 2016–2034. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1617631>
- Rogg L., Rimscha H. The Kurds as parties to and victims of conflicts in Iraq. *International review of the Red Cross*. 2007, Vol. 89, N 868, P. 823–842. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1816383108000143>
- Ross N., Mohammadpur A. Imagined or real: the intersection of tribalism and nationalism in the Kurdish Regional Government (KRG). *British journal of Middle Eastern studies*. 2016, Vol. 45, N 2, P. 194–211. DOI: <https://doi.org/10.1080/13530194.2016.1230490>
- al-Shadeedi H., van Veen E. Iraq's adolescent democracy. Where to go from here. In: *CRU report*. Hague: Netherlands Institute of international relations, 2020, P. 13–44.
- Shibanova O.N. (ed.). *Managing regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*. Kazan: Kazan univ. publishing house, 2021, 632 p.

Литература на русском языке

- Дубессан Р.Х. Статус субъектов федерации в Республике Ирак // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 383–389.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>
- Мамедов Р.Ш., Сапронова М.А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 357–370. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-357-370>
- Мелешкина Е.Ю. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.
- Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – 632 с.